

www.volsu.ru

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.3.8>

УДК 316.3:114

ББК 60.021

ПРОСТРАНСТВО КОВОРКИНГА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Евгения Викторовна Борисенко

Аспирант кафедры философии и социологии,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Волгоградский филиал)
borisenco@mail.ru
ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается коворкинг как новое социальное явление, которое чаще всего интерпретируется как особая форма совместной работы, при которой участники, оставаясь независимыми друг от друга, используют для своей деятельности общее пространство. Это явление получило широкое распространение в западных странах и активно внедряется в российскую практику. Коворкинг анализируется как актуальное поле исследования для ученых различных отраслей научного знания. В статье ставятся вопросы о методологических аспектах исследования сущности данного социального феномена и проблемах определения его границ. Интерпретация понятия осуществляется через концепт пространства. В рамках статьи дается характеристика коворкинга как пространства социального и материального (объектного). Через призму социальной топологии Джона Ло коворкинг интерпретируется как топологически множественный объект, представляющий из себя сеть социально-объектных отношений.

Ключевые слова: коворкинг, коворкинг-пространство, социальное, топология, социальная топология, текучая пространственность.

Введение

Практика коворкинга (от англ. co-working – совместная работа), представляющая собой, как принято считать, американское нововведение в вопросе организации труда и рабочего пространства, распространяется не

только во многих европейских странах, но и активно внедряется в российский сегмент рыночных услуг. Как новый социальный феномен коворкинг не может не вызывать определенного исследовательского интереса зарубежных и отечественных ученых различных отраслей научного знания. Однако следует отметить, что

первые исследования, посвященные коворкингу, были осуществлены именно зарубежными авторами, среди которых можно упомянуть работы Anil K. Gupta [16], D. Jones [17], Clay Spinuzzi [19]. Ученые, работающие в рамках урбанистики и медиаурбанистики, заинтересовались коворкингом в контексте его изучения как новой формы публичного городского пространства (так называемое «третье место») и особенностей коммуникативных практик его участников [5; 10]. Определенную актуальность приобрели исследования коворкинга в социально-экономическом ключе [1]. Как правило, анализируются его возможности как ресурса экономического роста и развития [12], а также роль в поддержке малого и среднего предпринимательства [14].

Несмотря на появление определенного интереса к данному феномену, на сегодняшний день коворкинг как самостоятельная область исследования все еще остается на периферии активного социологического дискурса. Между тем отдельного внимания требует вопрос интерпретации сущности этого явления, который, на первый взгляд, не представляется проблематичным, однако при более детальном погружении в тему вызывает множество вопросов. К примеру, является ли коворкинг новым социальным сообществом и как в таком случае себя определяют его участники, чувствуют ли они свою принадлежность к нему? Можно ли интерпретировать коворкинг как новую форму социального взаимодействия или это всего лишь способ организации труда? Что из себя представляет пространство коворкинга и каковы его границы? В чем заключаются особенности коворкинга как новой социальной практики, которые отличают ее от других? И в каких отношениях между собой находятся те категории, в которых возможна интерпретация данного понятия? Все эти вопросы нуждаются в отдельном рассмотрении.

Коворкинг как новое явление, неопределенность границ и гетерогенность его элементов также ставят перед исследователем большее количество методологических вопросов. В данном случае целесообразно ограничить рамки исследовательского поиска и сосредоточиться на более конкретной цели – найти подход, обладающий эвристическим потенци-

алом для изучения данного проблемного поля. Определенный интерес в данном случае для нас представляет рассмотрение коворкинга через концепт пространства. В некотором смысле это обусловлено тесной связью концепта с интерпретативной схемой коворкинга, встречающейся в текстах о нем. Однако следует отметить, что представление коворкинга как пространства в большей степени свойственно для зарубежных источников [13; 15], тогда как в отечественных по отношению к нему чаще всего употребляется понятие «центр» [9; 10]. Поэтому в рамках данной статьи мы более подробно остановим свое внимание на методологических аспектах исследования пространственных характеристик коворкинга и возможностях определения границ его пространства. На первоначальном этапе наших изысканий нам следует сделать некоторое отступление к онтологическому и эпистемологическому основаниям рассматриваемого вопроса.

Онтология и эпистемология в вопросах исследования пространства коворкинга

Как известно, онтология для социолога играет роль основания, которое призвано определить его отношение к природе социальных единиц если не в целом, то в конкретном исследовательском случае. Крайние точки социальной онтологии находятся в антагонистических по отношению друг к другу позициях. Одна из них задается вопросом об объективности наблюдаемых социальных единиц и их внешней реальности (объективизм), другая рассуждает о характере исследуемых явлений как о производных социального взаимодействия или результате повседневных рутинных практик (конструктивизм). Традиционно обе онтологии связываются с двумя эпистемологическими направлениями – позитивизмом и интерпретативизмом, а те, в свою очередь, и с определенной долей условности, с двумя методологическими подходами к исследованию – количественным и качественным. И если существование однозначного паттерна, связующего онтологические и эпистемологические установки с конкретными методами исследования, вызывает вопросы, то их влияние на общую исследовательскую концепцию и исследо-

вательские выводы не вызывает сомнений. Основной задачей для нас является попытка определить возможности этих оснований для характеристики методологических аспектов исследования пространства коворкинга.

Новизна явления, природа возникновения и вариативность его интерпретации в научном и общественном дискурсе дают нам возможность склонить свой выбор в пользу онтологических установок конструктивизма и интерпретативного эпистемологического направления. Это поможет нам разрешить несколько исследовательских задач: 1) глубже проработать проблемное поле исследования, поскольку при отсутствии достаточной информации о новом социальном феномене предполагается обращение к акторам, которые имеют к нему отношение и выступают в данном случае в качестве экспертов в исследовательском вопросе; 2) посмотреть на коворкинг как на феномен, который конструируется и трансформируется акторами, имеющими к нему непосредственное или опосредованное отношение, а значит проследить, каким образом происходит конституирование данной социальной практики; 3) учесть возможную гетерогенность состава участников коворкинг-пространства, различия их глубинных мотивов и смыслов, а также определить характер их идентичности по отношению к данному социальному пространству.

Однако конструктивистская позиция не учитывает (не ставит в предметную область своих интересов) ряд объективных факторов, которые описываются в научной литературе, исследующей коворкинг, и могут быть проблематизированы с точки зрения объективизма: 1) процесс институционализации коворкинга как новой формы социального взаимодействия; 2) коворкинг в системе социально-экономических отношений и как самостоятельный бизнес-проект, который развивается соответственно экономическим законам; 3) коворкинг-пространство как один из элементов социальной политики государства, направленной на поддержку малого и среднего предпринимательства; 4) коворкинг-пространство как коллективный офис (коворкинг-центр), который, в свою очередь, обладает определенной степенью формализации, а значит, и социальной организацией.

Вопрос выбора той или иной онтологической и эпистемологической позиции в этом случае отражает классические социологические оппозиции: 1) между объективными (механизмы, структуры, законы) и субъективными (индивидуальная воля, сознание, смыслы) аспектами социального мира; 2) между обществом (как особой реальностью *sui generis*) и индивидом (как базовой единицей анализа социальных процессов); 3) между микро- и макроуровнями социологического анализа и теоретизирования и т. д. Эти различия в социальной онтологии и эпистемологии, а также связанные с ними оппозиции в социальной науке стимулировали появление многочисленных теорий, которые ставят перед собой задачу снять возникшие в корпусе социологического знания противоречия. К примеру, структуралистский конструктивизм П. Бурдьё, теория структуриации Э. Гидденса или социальная фигурация Н. Элиаса. В этом случае мы имеем возможность изучить процесс институционализации и воспроизводства практики коворкинга посредством как действия самих акторов, так и влияния на этот процесс социальных организаций и других институций. Однако мы определились в пользу рассмотрения коворкинга через концепт пространства. В связи с этим еще более интересным и немаловажным для нас вопросом является соотношение «социального» и «материального» в пространстве коворкинга. Что означает исследовать коворкинг как социальное пространство и в каких отношениях оно состоит с пространством материальным? Нужно ли исключить «материальное» из интересующего нас проблемного поля или рассматривать его как инфраструктурное основание социального пространства коворкинга?

«Социальное» и «материальное» в пространстве коворкинга

Интерпретативные возможности понятия «коворкинг», как уже было отмечено, довольно широки. Описывая его средствами социальной теории, мы, в первую очередь, говорим о нем как о социальном явлении. Но что означает описывать какое-либо явление как социальное, что имеется в виду под этим понятием? Являясь ключевым элементом

объяснительной теории, «социальное», в традиционном значении, очерчивает предметную область социологии как научной дисциплины. Оно является результатом процесса отмежевания предмета социологии от индивидуального (принадлежащего психологии) и материального (принадлежащего области естественных наук). В этом контексте у Э. Дюркгейма возникает категория «коллективное», которая тождественна социальному и характеризует собой реальность особого рода. Условно говоря, «социальное» в этом значении – это эффект, возникающий в процессе коллективного действия и взаимодействия людей, не связанный с их психологическими особенностями и материальным миром. Области психологического и материального начинают противопоставляться социальному как «миру смыслов». Исследовать область социального означает исследовать область смыслов. Описывать же какое-либо явление как социальное значит утверждать, что его сущность может восприниматься и интерпретироваться только посредством тех смыслов, которые им производятся в рамках определенных общественных отношений. Отсюда проистекает и знаменитый дюркгеймовский тезис о том, что социальное следует объяснять социальным. С точки зрения традиционной социологической парадигмы из этого следует очевидное умозаключение – чтобы изучить пространство коворкинга, нужно перевести его на язык социального, то есть исследовать его как социальное пространство, сконструированное и наполненное смыслами.

Пространственные характеристики социального в той или иной степени всегда интересовали социологов, но тем не менее, никогда не становились специальным предметом их исследования. Однако можно выделить несколько основных теоретических направлений в интерпретации социального пространства: «1. Пространство взаимодействия социальных акторов. Принимается во внимание значение близости / удаленности акторов друг от друга для самого процесса взаимодействия. Значение придается: а) тому, как исследователь видит пространство; б) каково социальное значение пространства, не рефлексированное участниками, но принципиально важное для них; в) какое значение пространственным характе-

ристикам взаимодействия придают сами участники, как пространство осознается и обсуждается ими. 2. Социальное пространство как порядок социальных позиций, метафорическое пространство, структурируемое статусами социальных акторов. 3. Пространство как нечто обозримое, место расположения тел, «местности» [11, с. 329–330].

Примером описания пространства как порядка социальных позиций является теоретическая модель П. Бурдьё. Для него социальное пространство – «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала; оно может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как средства и цели борьбы в различных полях» [2, с. 53–54]. На наш взгляд, метафора, подобная той, что предлагает П. Бурдьё, не в полной мере применима к определению пространства коворкинга. Как правило, коворкинг интерпретируется как особая форма организации труда, при которой участники остаются независимыми друг от друга в процессе работы и имеют возможность взаимодействия и кооперации в рамках общего рабочего офиса. Ключевыми в этом определении являются слова «независимыми» и «кооперации». Участники коворкинг-пространств не связаны друг с другом отношениями власти и подчинения, они не заинтересованы в перераспределении капиталов с целью занять более выгодную позицию. Однако практика коворкинга вполне может послужить накоплению определенных конвертируемых форм капитала для ее участников.

Подход, акцентирующий свое внимание на пространственном социальном взаимодействии акторов, может показаться более продуктивным. Коворкинг как социальное пространство, согласно данному подходу, является совокупностью акторов, их социальных действий и взаимодействий, а также сети социальных связей. В зависимости от теоретико-методологической ориентации исследователя, специфику социальных взаимодействий его участников можно описывать в различных категориях. К примеру, представить в виде проявления новых

форм коллаборации или в категориях «общность» и «общество», как явление, сочетающее в себе основные характеристики и того, и другого образования, если мы рассуждаем в теоретической схеме Ф. Тенниса.

Однако будет ли социальное пространство коворкинга, определяемое нами как пространство социальных взаимодействий или порядок социальных позиций, давать ему исчерпывающую характеристику? Ответить на этот вопрос мы сможем, разобравшись в тех отношениях, которые существуют между социальными и материальными элементами коворкинг-пространства. Как правило, и в первом, и во втором подходах к интерпретации социального пространства, если и уделяется внимание материальному, то применяется та же установка, что и по отношению к социальным объектам. С одной стороны, социолог рассматривает какой-либо физический объект с точки зрения того объективированного смысла, который в нем можно найти. С другой стороны, материальный объект представляет собой для него инструмент (атрибут) или инфраструктуру социального действия. К примеру, дорогостоящий автомобиль рассматривается как атрибут социального статуса индивида, тело какместилище социальных практик, городское пространство как репрезентант идеологии, а физическое пространство коворкинга как инфраструктура, позволяющая его участникам осуществлять в его рамках социальное взаимодействие. В контексте традиционной парадигмальной схемы исследовательская работа с каким-либо объектом означает для социолога его очищение от не относящихся к предмету социологии перспектив. Здесь «физическое пространство разоблачается как “не подлинное”, “вторичное”, “сконструированное”, иными словами – лишенное приписываемой ему объективности. За ним обнаруживается “настоящее” социальное пространство» [3, с. 94].

В действительности, коворкинг как особая практика, как социальное пространство возможен, на наш взгляд, только благодаря опосредованию социального материальным. В данном случае, казалось бы, можно было удовлетвориться объяснением материального пространства в качестве инфраструктуры социального действия. Однако для нас представ-

ляет особый интерес подход к определению пространства как чего-либо обозримого, который связан с соотношением двух его значимых элементов (социального и материального). В связи с этим определение социального пространства ставит перед нами еще более трудную задачу. Следует ли переводить материальные характеристики пространства на язык социального или пересмотреть определение социального с учетом его связи с пространственными феноменами [3, с. 94]? В дальнейшем описании мы воспользуемся логикой подхода, который решил этот вопрос довольно кардинально и определил, что социальное и материальное не просто находятся в определенных отношениях друг с другом, а вместе «собирают» социальное посредством взаимодействия «человеческих» и «не-человеческих» актантов, формирующих сеть отношений.

Коворкинг: топологическая метафора Джона Ло

Рассуждая о вопросе соотношения материального и социального элементов пространства, следует вспомнить о социологической теории, которая активно занимается исследованием гибридности современного мира, а именно об акторно-сетевой теории (Actor-Network Theory). Акторно-сетевая теория на сегодняшний день является одним из примеров, наиболее ярко иллюстрирующих «онтологический поворот» в описании социальной реальности и в основных принципах построения социальной теории. Во-первых, она предполагает отказ от редукционизма, а значит, отрицает поиск более общих, абстрактных оснований при объяснении социальных явлений и процессов. Во-вторых, настаивает на пересмотре главной категории социологии и говорит о том, что «“социальное” – это не клей, способный соединять что угодно, включая и то, что не под силу другим видам клея; это как раз то, что склеивается воедино множеством других типов соединителей» [6, с. 16]. В-третьих, разделяет конструктивизм и социальный конструктивизм, поскольку последний не учитывает при описании эти «другие типы соединителей», а именно не-человеческие актанты, которые наряду с человеческими обладают равноценной значимостью. В-чет-

вертых, склоняется к имманентистскому подходу в социальном анализе, который призывает следовать за самими актантами и искать следы, оставляемые ими в процессе действий.

Акторно-сетевая теория говорит нам о том, что любой объект можно представить в виде гетерогенной сети отношений. В производстве отношений участвуют как субъекты, так и объекты, которые в равной степени являются действующими акторами. «Аргумент акторно-сетевой теории таков: объект (например, корабль) остается объектом до тех пор, пока отношения между ним и связанными с ним объектами устойчивы и все сохраняется на своих местах» [7, с. 32]. Отрицание редукционизма и опора на «ирредукционистскую» методологическую установку, в определенном смысле, выводит нас из состояния равновесия, поскольку запрещает опираться на классические основания в социологии, а значит и разделять материальное и социальное, – макро- и микроуровни, субъектов и объектов и т. д. Однако эта позиция дает нам некоторое преимущество в исследовании нестабильных, новых и постоянно трансформирующихся явлений. В связи с этим начинать изучение коворкинга с категоризации тех социальных отношений, которые наполняют его пространство, является для нас проблематичным. Коворкинг представляет собой то новое нестабильное явление, которое динамично развивается и постоянно трансформируется, а значит, мы крайне мало знаем о его границах, характере элементов и взаимоотношений между ними. Нашей задачей является проследить процесс его стабилизации и упорядочивания элементов. Поэтому для нас представляется возможным искать отправную точку, те самые основания устойчивости именно в материальности коворкинг-пространства.

В конце 90-х гг. XX в. выделилось два направления акторно- сетевого подхода: парижская (Б. Латур, М. Каллон) и ланкастерская (Дж. Ло) ветвь. Несмотря на то что основные положения парижской ветви также остаются актуальными для нашего описания, в рамках данной статьи нас в первую очередь интересуют идеи, развитые Джоном Ло. Используя семиотическую метафору, он говорит о том, что сеть определена отношениями различия, а любой объект является производ-

ным «некоторых устойчивых множеств или сетей отношений» [7, с. 34]. Таким образом, коворкинг является своего рода эффектом устойчивого сетевого взаимодействия гетерогенных элементов, и данный вид сетевых отношений отличен от других. Поскольку мы рассматриваем коворкинг через концепт пространства, особый интерес для нас представляет топологическая метафора, которой Дж. Ло дополнил свою идею. Согласно его мнению, есть три типа пространств, в рамках которых может существовать объект. Это семиотическое (или сетевое) пространство, географическое (или евклидово) пространство и пространство потоков.

Коворкинг – это не просто определенная форма производства социального, но также некоторая географическая точка пространства, территория, располагающаяся в определенной координатной плоскости. Как физический объект коворкинг находится в евклидовом пространстве и является неподвижным.

Семиотическое пространство коворкинга представлено всей совокупностью отношений его субъектов и объектов, вместе с ведущей к нему дорожной инфраструктурой, зданием коворкинга, офисным оборудованием, wi-fi, общей кухней, диванами для отдыха, взаимодействующими и не взаимодействующими людьми, коворкинг визой и т. д. Все эти элементы должны находиться в постоянных и стабильных отношениях, а форма коворкинга как сетевого единства сохраняется, пока объекты, составляющие его, неделимы. Эти элементы могут трансформироваться и быть более (или менее) включены в сеть отношений. Однако коворкинг как сетевой объект существует, пока отношения между образующими его элементами сохраняются. Дж. Ло называет основные элементы объекта, которые позволяют ему сохранять целостность в сетевом пространстве, «ядром устойчивых отношений» [7, с. 37]. Основной задачей для нас в данном случае является выявление «ядра устойчивых отношений» коворкинга. Это позволяет определить идентичность коворкинга и выявить основные характеристики, которые отличают его от других схожих с ним феноменов (антикафе, ко-ливинг), а также выявить те элементы, которые способствуют его непроблематичному существованию и функционированию

в обществе. Здесь материальные объекты имеют весьма важное значение, поскольку определяют и опосредуют практики участников коворкинга.

Пока отношения в сетевом пространстве остаются неизменными, объект сохраняет свою целостность и в географическом пространстве. Если произойдет смещение и нарушение конструирующих его отношений, объект может трансформироваться и в евклидовом пространстве. «Такое “смещение” в топологии называется “катастрофой”: разрыв непрерывности формы (дисконтинуальность) и необратимость» [4, с. 27]. Речь не идет о том, что объект навсегда перестает существовать в физическом пространстве, однако то, чем объект станет, уже не будет являться его первоначальной формой. Если, к примеру, коворкинг как бизнес-проект станет для своего владельца невыгодным, он может продать помещение тому, кто откроет в нем большой книжный магазин. В этом случае, разрыв непрерывности сетевой формы коворкинга станет необратимым, и он перестанет существовать в этой точке географического пространства, но станет книжным магазином. Однако если коворкинг всего лишь расширит функциональные возможности своего пространства, к примеру, оно станет доступно для проведения ярмарок или елочных базаров, то он не утратит своего гомеоморфизма.

Проблема заключается в том, что сетевая форма коворкинга постоянно меняется. Определенную трудность составляет и описание устойчивых отношений, которые делают коворкинг коворкингом. Это похоже на пример с втулочным насосом как «изменчивой техникой», описанной в работе Марианны де Лэт и Анн-Мари Мол [18]. Дж. Ло приводит его в рамках вопроса определения ядра сетевой формы объекта: «Разве не составные части насоса определяют его объектность и поддерживают его “идентичность”? Однако болты, которыми насос крепится к своему основанию, или ручка от насоса, часто оказываются ненужными. Есть насосы, которые прекрасно без них обходятся. Кожаная изоляция в них с успехом замещается старой крышкой. Возможно, существует “устойчивое ядро”

насоса – некоторые существенные его части – но это ядро постоянно размывается. “Существенные” механизмы оказываются несущественными и легко заменимыми» [7, с. 37]. Так, в США коворкинг может существовать не как коммерческий проект, а как практика в рамках идеи пространства открытого доступа (open source), где участники могут работать бесплатно. В России за место в коворкинг-центре придется платить в любом случае [8]. Самая первая форма коворкинга, созданная Бредом Ньюбергом, представляла собой скооперировавшееся сообщество единомышленников, которые решили найти для своей работы помещение с условием совместной оплаты его аренды. Коворкинг-пространство легко может трансформироваться в конференц-зал или даже в площадку для проведения танцевального мастер-класса.

Сетевая форма коворкинга постоянно меняется, что в некоторых случаях влечет за собой изменения объекта в евклидовом пространстве. Как же в таком случае быть с непрерывностью формы объекта и его гомеоморфностью? Следуя логике Дж. Ло, коворкинг участвует в производстве пространства потоков. В условиях «текучей пространственности» действует несколько установок: ни одна конкретная структура отношений не является привилегированной; отношения, формирующие объект в пространстве потоков, меняются, но не одновременно, а постепенно; граница изменчивого объекта не фиксирована, однако границы необходимы для существования объекта в пространстве потоков [7, с. 38]. Такой подход позволяет рассматривать исследуемый объект в динамике, а не как застывшую форму. Это выгодно для нас с исследовательской точки зрения, поскольку позволяет сконцентрироваться на процессе становления коворкинга в нашей стране и сравнить его с западной практикой, которая существует гораздо дольше.

Заключение

Коворкинг как новое социальное явление нуждается в детальном описании и интерпретации, поскольку отражает трансформационные процессы в социальной структуре общества, которые происходят под воздействием

развития информационных технологий и увеличения автономности индивидов в различных сферах социальной жизни. Практика коворкинга проходит процесс активного становления в нашей стране, все больше приобретая свои собственные характерные черты и особенности, вместе с тем обнаруживая некоторую неопределенность в процессе институционализации. Коворкинг иллюстрирует пример объекта, границы которого трудно поддаются определению. Сохраняя некоторые элементы устойчивости своей формы, он постоянно подвергается процессу трансформации. Это заметно усложняет выявление отличительных характеристик коворкинга на фоне других похожих на него практик и объектов, внося неопределенность относительно отправной точки исследовательского поиска. В данном случае эвристическая ценность идей акторно-сетевой теории заключается в возможности применения ее методологического инструментария к описанию изменчивого и неопределенного объекта. Гибкость инструментария позволяет сохранить аутентичность языка описания и проследить процесс конструирования и «пересборки» коворкинг-пространства. Коворкинг ярко иллюстрирует неразрывную связь социального и материального в процессе конструирования своего пространства. В контексте идей Дж. Ло представляется возможным описать процесс создания и трансформации пространственных форм данного явления, определить элементы устойчивых отношений, которые позволяют коворкингу оставаться коворкингом (сохранять свою идентичность), а также объяснить роль материального в процессе сохранения и трансформации коворкингом своей сетевой формы. Это может значительно способствовать прояснению сущности данного явления, специфики его развития и характерных черт применительно к контексту его становления в нашей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белаи, В. И. Коворкинг как перспективное направление в современной экономике / В. И. Белаи, Е. Н. Страданченкова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 10 (77). – С. 30–32.
2. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые ; пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.
3. Вахштайн, В. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории / В. Вахштайн // Социологическое обозрение. – 2005. – Т. 4, № 1. – С. 94–115.
4. Вахштайн, В. Джон Ло: социология между семиотикой и топологией / В. Вахштайн // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5, № 1. – С. 24–30.
5. Квят, А. Г. Кафе без еды, фастфуд как медиа, временный парк: поствиртуальность и город 3.0 в России / А. Г. Квят // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – № 3 (23). – С. 126–136.
6. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур ; пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко ; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 384 с.
7. Ло, Дж. Объекты и пространства / Дж. Ло // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5, № 1. – С. 30–43.
8. Нелидовская, С. Один на всех! Офис на час, день, месяц / С. Нелидовская ; гл. ред. О. Королева // Office Magazine. – 2010. – № 4 (39). – С. 19–21. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.officemagazine.ru/upload/pdf/OM_04_2010.pdf (дата обращения: 23.10.2015). – Загл. с экрана.
9. Полтавская, М. Б. Институционализация новых форм социального взаимодействия: пространство коворкинга / М. Б. Полтавская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – № 3 (23). – С. 107–115.
10. Хусяинов, Т. М. Коворкинг-центр в пространстве современного города / Т. М. Хусяинов // Урбанистика. – 2015. – № 4. – С. 14–21.
11. Чернявская, О. С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций / О. С. Чернявская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социология. Психология. Философия». – 2008. – № 5. – С. 329–335.
12. Чистякова, О. В. Формирование и развитие инновационной инфраструктуры предпринимательства на мезоуровне: теория, методология и практика / О. В. Чистякова. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. – 412 с.
13. Capdevila, I. Knowledge dynamics in localized communities: Coworking spaces as microclusters / I. Capdevila. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.academia.edu/9727887/Knowledge_dynamics_in_localized_communities_coworking_

spaces_as_microclusters (date of access: 17.07.2016). – Title from screen.

14. El Kordi-Hubbard, J. The democratization of entrepreneurship: a case for coworking and collaboration / J. El Kordi-Hubbard. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.slideshare.net/JonDanielEkh/the-democratization-of-entrepreneurship-a-case-for-coworking-and-collaboration> (date of access: 10.10.2015). – Title from screen.

15. Gandini, A. The rise of coworking spaces: A literature review / A. Gandini // *Ephemera: Theory & Politics in Organization*. – 2015. – Vol. 15, № 1. – P. 193–205.

16. Gupta, A. K. The co-working space concept / A. K. Gupta. – Leforestier : CINE Term project Anne, 2009. – 87 p.

17. Jones, D. I'm outta here! How coworking is making the office obsolete / D. Jones, T. Sundsted, T. Basicalupo. – Austin : Not an MBA Press, 2009. – 150 p.

18. Laet, M. de. The Zimbabwe bush pump: mechanics of a fluid technology / M. de Laet, A. Mol // *Social Studies of Science*. – 2000. – Vol. 30, № 2. – P. 225–263.

19. Spinuzzi, C. Working alone together: coworking as emergent collaborative activity / C. Spinuzzi // *Journal of Business and Technical Communication*. – 2012. – № 26 (4). – P. 399–441.

REFERENCES

1. Belay V.I. Kovorking kak perspektivnoe napravlenie v sovremennoy ekonomike [Coworking as a Perspective Direction in the Modern Economy]. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education]. Tambov, Gramota Publ., 2013, no. 10 (77), pp. 30-32.

2. Bourdieu, P. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow, Institut eksperimentalnoy sotsiologii Publ.; Saint Petersburg, Aletya Publ., 2007. 288 p.

3. Vakhshayn V. Vozvrashchenie materialnogo. "Prostranstva", "seti", "potoki" v aktorno-setevoy teorii [The Return of the Material. "Spaces", "Networks", "Flows" in Actor-Network Theory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2005, vol. 4, no. 1, pp. 94-115.

4. Vakhshayn V. Dzhon Lo: sotsiologiya mezhdru semiotikoy i topologiyey [John Law: Sociology Between Semiotics and Topology]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2006, vol. 5, no. 1, pp. 24-30.

5. Kvyat A.G. Kafe bez edy, fastfud kak media, vremenny park: postvirtualnost i gorod 3.0 v Rossii [Anti-Cafe, Fast Food as Media and Pop-Up Park: Post-

Virtuality and City 3.0 in Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], 2014, no. 3 (23), pp. 126-136.

6. Latur B. *Peresborka sotsialnogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2014. 384 p.

7. Lo J. Obyekty i prostranstva [Objects and Spaces]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2006, vol. 5, no. 1, pp. 30-43.

8. Nelidovskaya S. Odin na vsekh! Ofis na chas, den, mesyats [One at all! Office for an Hour, Day, Month]. *Office Magazine*, 2010, no. 4 (39), pp. 19-21. Available at: http://www.officemagazine.ru/upload/pdf/OM_04_2010.pdf (accessed October 23, 2015).

9. Poltavskaya M.B. Institutsionalizatsiya novykh form sotsialnogo vzaimodeystviya: prostranstvo kovorkinga [Institutionalization of New Forms of Social Interaction: Coworking Space]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], 2014, no. 3 (23), pp. 107-115.

10. Khusyainov T.M. Kovorking-tsentri v prostranstve sovremennogo goroda [The Coworking Centre in the Contemporary City]. *Urbanistika*, 2015, no. 4, pp. 14-21.

11. Chernyavskaya O.S. Sotsialnoe prostranstvo: obzor teoreticheskikh interpretatsiy [Social Space: a Review of Theoretical Interpretations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya "Sotsiologiya. Psikhologiya. Filosofiya"*, 2008, no. 5, pp. 329-335.

12. Chistyakova O.V. *Formirovanie i razvitie innovatsionnoy infrastruktury predprinimatelstva na mezourovne: teoriya, metodologiya i praktika* [The Formation and Development of Innovative Infrastructure of Entrepreneurship at the Meso-Level: Theory, Methodology and Practice]. Irkutsk, BGUEP Publ., 2014. 412 p.

13. Capdevila I. *Knowledge Dynamics in Localized Communities: Coworking Spaces as Microclusters*. Available at: http://www.academia.edu/9727887/Knowledge_dynamics_in_localized_communities_coworking_spaces_as_microclusters. (accessed July 17, 2016).

14. El Kordi-Hubbard J. *The Democratization of Entrepreneurship: a Case for Coworking and Collaboration*. Available at: <http://www.slideshare.net/JonDanielEkh/the-democratization-of-entrepreneurship-a-case-for-coworking-and-collaboration>. (accessed October 10, 2015).

15. Gandini A. The Rise of Coworking Spaces: A Literature Review. *Ephemera: Theory & Politics in Organization*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 193-205.

16. Gupta A. K. *The Co-Working Space Concept*. Leforestier, CINE Term project Anne, 2009. 87 p.

17. Jones D., Sundsted T., Basicalupo T. *I'm Outta Here! How Coworking is Making the Office Obsolete*. Austin, Not an MBA Press, 2009. 150 p.

18. Laet M. De., Mol A. The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology. *Social Studies of Science*, 2000, vol. 30, no. 2, pp. 225-263.

19. Spinuzzi C. Working Alone Together: Coworking as Emergent Collaborative Activity. *Journal of Business and Technical Communication*, 2012, no. 26 (4), pp. 399-441.

COWORKING SPACE: METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY

Evgeniya Viktorovna Borisenko

Postgraduate Student, Department of Philosophy and Sociology,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Volgograd Branch)
borisenko@mail.ru
Gagarina St., 8, 400131 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article discusses the most popular point of view on coworking as a new form of collaboration in which independent participants proceed their activity in common open space. This phenomenon is widespread in the foreign states, and nowadays it is included in Russian practice. Coworking is analyzed as a unique field of research for scientists from different branches of scientific knowledge. At first glance, the interpretation of the essence of this phenomenon is not problematic. However, a more detailed dive into the topic raises many questions. For example, is it possible to define coworking as a new social community that has its special identity? Can we interpret coworking as a new form of social interaction or is it just a way of organizing work? What is the space of coworking and what are its boundaries? The author of the article raises questions about the methodological aspects of the study of the essence of this social phenomenon and the problems of definition of its borders. A part of the article describes the characteristics of coworking space as the social and material (space of object). Through the prism of the social topology of John Law, coworking is interpreted as topologically multiple objects, representing a network of social and object relations.

Key words: coworking, coworking space, the social, topology, social topology, fluid spatiality.